

0957

HARLEQUIN®

ЦЕНТР ПОЛИГРАФ

Элла Хэйс

ЗАМУЖ СО ВТОРОЙ ПОПЫТКИ

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Элла Хэйс

Замуж со второй попытки

«Центрполиграф»

2018

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Хэйс Э.

Замуж со второй попытки / Э. Хэйс — «Центрполиграф»,
2018 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08910-6

Коттедж в шотландской глуши кажется художнице Милле О’Брайен идеальным убежищем для женщины с разбитым сердцем. Она хотела забыть поскорее о несостоявшейся свадьбе. Отправляясь в эти края, Милла надеялась на одиночество и была потрясена тем, что красавец Кормак Бьюкенен так быстро запал ей в душу. У Кормака своя беда, его терзает вина за гибель друга. Встретились два раненых сердца, у которых появилась надежда на исцеление и настоящую любовь...

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08910-6

© Хэйс Э., 2018
© Центрполиграф, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Элла Хэйс

Замуж со второй попытки

Her Brooding Scottish Heir

© 2018 by Ella Hayes

«Замуж со второй попытки»

© «Центрполиграф», 2019

© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2019

Глава 1

Милла О'Брайен взглянула на карту, лежащую на пассажирском сиденье, на которой розовым маркером были обведены ориентиры на местности – так было проще отслеживать свое продвижение на север. До поместья Калькаррон оставалось всего пятнадцать миль. Узкая дорога серой лентой петляла по прекрасной долине, где не было видно ни людей, ни жилья.

Милла искала именно такой пустынный уголок. В Лондоне было слишком много воспоминаний, слишком много горя. А две недели идеального уединения в коттедже Стратбурн подарят ей время для исцеления, дадут шанс спокойно поработать над портфолио. До ее дипломной художественной выставки оставалось шесть недель, и Милла серьезно отставала от графика.

Дорога перестала петлять, вытянулась в ровную полосу. Милла позволила себе оторвать от нее взгляд и полюбоваться окружающими красотами природы. Сияющее майское солнце освещало унылые горы и оживляло их приглушенные цвета, ветер играл с пучками сухой травы. Красота пейзажа подняла Милле настроение. Но вдруг руль внедорожника дернулся в ее руках, и машину повело вправо.

Услышав зловещий стук, доносившийся сзади, Милла сразу поняла, что случилось. Она остановила джип и поставила его на ручной тормоз. Проколото колесо – только этого не хватало! До ближайшего жилья и в ту, и в другую сторону порядочное расстояние.

Милла вылезла из машины и осмотрела спущенное заднее колесо. По крайней мере, она кое-что понимала в таких проблемах, благодаря объяснениям отца-механика и трех братьев, помешанных на автомобилях.

Достав домкрат и баллонный ключ, Милла сняла запасное колесо с двери багажника. Она знала, что нужно ослабить гайки на спущенном колесе перед тем, как поднять автомобиль на домкрат, поэтому она попыталась повернуть одну из гаек ключом, однако та не поддавалась.

Милла встала на ключ и попрыгала на нем, но тщетно. Она попробовала по очереди открутить другие гайки. Проклятые железяки были закручены намертво.

Милла в растерянности оперлась на задний бампер, чтобы отдышаться. Похоже, придется вызвать техпомощь, если здесь ловит телефон.

Она достала свой мобильник, но тут ее внимание привлек звук приближающейся машины. Заслонившись рукой от солнца, Милла увидела серебряный спорткар. Машина подъехала к джипу Миллы, замедлила ход, а затем остановилась.

Милла почувствовала, как ее сердце от страха забилось сильнее. Все-таки она застряла в довольно глухом месте, и случись что, позвать на помощь некого. Она посмотрела на экран телефона – сигнала не было.

Дверь спорткара распахнулась, и Милла невольно отступила назад, когда светло-карие глаза окинули ее пристальным, оценивающим взглядом. Водитель не улыбнулся. Вместо этого он смотрел на Миллу так, словно та была проблемой, которую необходимо было решить. Впрочем, в его глазах не читалась угроза. Этот тип явно остановился, чтобы помочь, даже если собирался сделать это не самым вежливым образом.

Он подошел ближе, заметил спущенную шину, лежащий рядом с ней баллонный ключ и произнес:

– Похоже, вы в курсе, что нужно делать, и я не хочу вам мешать. Просто остановился, чтобы узнать, не нужна ли какая-то помощь.

Незнакомцу на вид не было еще и тридцати, но ему как будто не хватало живости, присущей молодым людям. Милла не могла понять: зол он на что-то или чем-то сильно опечален.

Она указала на колесо.

– Я знаю, что нужно делать, но у меня не хватает сил. На шиномонтаже так затягивают гайки пневматическим гайковертом, что требуется приложить нечеловеческое усилие, чтобы их открутить. Так что, да, помогите мне, пожалуйста.

Глаза мужчины, кажется, чуть повеселели. Он подошел к джипу, закатал рукава рубашки и присел на корточки. Надев ключ на самую нижнюю гайку, он попытался ее провернуть.

Каштановые волосы незнакомца были коротко подстрижены, а мускулистые предплечья покрывал сильный загар, похоже приобретенный на солнце, а не в солярии. «Этот человек, судя по всему, – сильный, умелый и привыкший проводить много времени на открытом воздухе», – подумала Милла.

Когда он взглянул на нее, она немного растерялась.

– Эти гайки действительно затянуты крепко...

– Я же говорила...

Незнакомец поднажал сильнее, и гайка сдвинулась с места. Он перешел к следующей, и, не глядя на Миллу, заметил:

– Вы ирландка.

– А вы наблюдательны, – не удержавшись, съязвила она.

Ослабив все гайки, он потянулся к домкрату.

– Хотите, чтобы я сделал всю работу?

Милла не могла понять, о чем он думает, потому что в его взгляде не читалось ничего, кроме заданного вопроса.

Она улыбнулась и кивнула в ответ.

Незнакомец со сноровкой поменял колесо, снял машину с домкрата и затянул гайки.

– Я положу спущенное колесо в багажник. В Ардуиге есть автомастерская, где вам его отремонтируют.

Милла открыла заднюю дверь, и он закинул колесо в машину. Если этот тип и заметил ее мольберт и холсты, то решил никак это не комментировать. Он закрыл дверь и повернулся к Милле.

– Обязательно почините колесо!

– Слушаюсь, сэр!

Увидев, что глаза незнакомца помрачнели, Милла тут же пожалела о том, что решила его поддразнить, и тепло улыбнулась.

– Серьезно, большое вам спасибо! Мне повезло, что вы проезжали мимо. – Она пожала плечами. – Здесь не ловит телефон, поэтому я не смогла бы вызвать техпомощь. Благодаря вам мне не пришлось долго топтать пешком, а еще я не сломала, по крайней мере, три ногтя.

По его губам скользнула слабая улыбка. Он вложил баллонный ключ в руки Миллы.

– Вам повезло. Я очень редко езжу этой дорогой.

Незнакомец слегка кивнул, затем повернулся и направился к своей машине. Через мгновение он запустил двигатель и исчез, оставив Миллу в облаке пыли.

Удаляясь прочь, Кормак Бьюкенен задержал взгляд на девушке в зеркале заднего вида. Хотя с такого расстояния уже невозможно было рассмотреть ее зеленые глаза, он вспоминал о них и о том, как эта незнакомка поддразнивала его. Возможно, он это заслужил. Пять лет службы в инженерных войсках, несомненно, повлияли на его поведение. И все-таки эта девушка не выдала своего страха перед ним, и он восхищался ее смелостью.

Ощущая в душе беззаботность, что случалось так редко, Кормак крутанул руль, вписав свой автомобиль в очередной поворот, и продолжил размышлять.

Кого он пытался обмануть? На самом деле его восхитила не только храбрость незнакомки, но и ее улыбка, ее сливочная кожа и ее светлые волосы, выбивающиеся непослушными прядями из удерживающей их заколки.

Даже если бы он не заметил мольберт и холсты в багажнике автомобиля, все равно бы догадался, что эта девушка – художница. Обтягивающие красные джинсы, заправленные в зеленые ботинки, и потертая джинсовая куртка поверх поношенного жилета свидетельствовали о яркой индивидуальности их владелицы. Кормак предположил, что ее картины, наверное, смелые, немного резкие, и в них есть даже что-то забавное, чтобы те, кто их разглядывают, не относились к ним слишком серьезно.

Стоп! Что он делает? Провел всего десять минут с симпатичной ирландской художницей, и она уже заставила его фантазировать о ней и ее картинах! Нужно сосредоточиться на дороге и добраться до Калькаррона, прежде чем у его сестры Розы случится очередной нервный срыв перед свадьбой.

До этого события осталась всего неделя, и Роза, по профессии дизайнер интерьера, решила устроить роскошное торжество в фамильном поместье. Она прислала брату длинный список вещей, которые необходимо было заказать для подготовки свадебного приема.

Кормак считал, что главной достопримечательностью является сама свадьба, а не весь этот антураж, но по своему опыту знал: если Роза что-то втемяшилось в голову, лучше ей не перечить. Сестра попросила его проследить за монтажом шатра и танцпола, а также развешиванием нескольких миль электрических гирлянд на деревьях и вдоль дорожек. Кормаку предстояло выполнить множество заданий Розы, которые, как она сказала, желая польстить брату, «требовали военной четкости и аккуратности».

Он остановился, пропуская бредущую через дорогу овцу с двумя ягнятами. Она посмотрела на него настороженным материнским взглядом, затем двинулась дальше, ягнята поковыляли за ней на тонких ногах.

Кормак вздохнул. Он был готов на все ради Розы, но для него будет нелегко вернуться в Калькаррон, к своей семье.

Афганистан полностью изменил его. И возвращение лишь вызовет новую боль от потери друга, потому что воспоминания о Дункане были неразрывно связаны с воспоминаниями о родном доме.

Кормак не чувствовал воодушевления, размышляя о предстоящем торжестве, – пусть даже это свадьба его сестры. А мысль о том, что придется общаться с кем-то из двух сотен приглашенных гостей, вселяла в него страх.

Как сын и наследник владельца поместья, Кормак чувствовал, что семья возлагает на него свои ожидания. И эти ожидания, словно жернов, висели на его шее.

«Пережить следующую неделю, – сказал он себе, – можно одним только способом – не привлекать к себе внимания и постараться никого не расстроить».

Милла несколько секунд сидела и думала о кареглазом незнакомце, который остановился, чтобы помочь ей. Как он успел так быстро запасть ей в душу? А еще он заставил ее занервничать и с самого начала занять оборонительную позицию, хотя по натуре Милла всегда была приветлива.

Во всем виноват Дэн. Он ответствен за то, что она теперь чувствует себя такой враждебной, такой осторожной, настолько ослабленной. Если таковы последствия любви, то Милла не хотела больше ее испытать.

Она повернула ключ в замке зажигания, но вместо того, чтобы тронуться с места, продолжала, словно в трансе, смотреть сквозь ветровое стекло. У этого незнакомца такие грустные глаза... Если бы он улыбнулся, то, без сомнения, его можно было бы назвать довольно красивым. А еще ему не мешало бы научиться вести приятную беседу. «Вы ирландка». Что можно ответить на такую фразу? Милла поморщилась, вспоминая, как почти нагубила ему в ответ. Что на нее нашло? Неудивительно, что после такого обмена «любезностями» незнакомец полностью сосредоточился на замене колеса.

Может, она понравилась бы ему больше, если бы сыграла роль беспомощной девицы, попавшей в беду, но это было не в ее стиле. Милла не собиралась льстить мужскому самолюбию.

Она заставила себя выбросить из головы мысли о незнакомце и взялась за ручку переключения передач. Какое имеет значение, понравилась она ему или нет? Он уехал, а ей нужно было отыскать автомастерскую в Ардуиге.

Когда Милла добралась до деревни, она без труда отыскала автомастерскую, хозяин которой, седобородый мужчина с румяным лицом, пообещал починить проколотое колесо. Чтобы скоротать время, Милла решила зайти в магазин за продуктами.

Внутри пахло свежим хлебом, моющими средствами и нафталиновыми шариками. Пока Милла бродила по проходам между полок, наполняя свою корзину, в магазин вошла женщина и поздоровалась с кассиршей:

– Привет, Мэри! Я за лотерейным билетом.

– Привет, Шейла!

– Кстати, ты видела, как мимо промчалась машина Кормака? Он приехал на свадьбу сестры.

– Да. Он будет очень занят. У Розы, по-видимому, великие планы.

Слушая краем уха эту болтовню, Милла подумала, что стоит приобрести свечи – вдруг в коттедже отключат свет. Положив в корзину несколько свечей, коробок спичек и на всякий случай карту местности, она подошла к кассе, где все еще продолжался разговор.

– Джесси говорит, что, по ее мнению, Кормака все еще не в себе. Такая жалость!

– Рано или поздно ему придется жить как прежде. Нельзя носить в себе это вечно... – Кассирша только сейчас увидела Миллу. – Извините, дорогуша, я вас не заметила. Я обслуживаю вас через минуту.

Милла улыбнулась и переложила корзину с продуктами в другую руку.

– В любом случае Розы будет прекрасной невестой. Она уже здесь, вместе со своими подружками. Лили говорит, что они делают все свадебные сувениры сами. – Кассирша протянула собеседнице розовый бумажный квадрат. – Вот твой выигрышный билет.

Она подмигнула своей подруге, та рассмеялась.

– Да, он непременно выиграет. До скорого!

Шейла исчезла за дверью, и Мэри улыбнулась Милле.

– Извините, что задержала вас, дорогуша. – Кассирша начала сканировать покупки. Увидев карту, она заинтересовалась: – Вы туристка?

Милла улыбнулась.

– Нет, я художница.

– Ах, так это вы поселитесь в коттедже Стратбурн?

Милла кивнула.

– Мне нужен покой, чтобы работать над моим выставочным портфолио.

Убирая покупки Миллы в пакет, Мэри подняла брови.

– Для этого вы выбрали не самую удачную неделю. В субботу в большом доме свадьба, так что тут будет очень многолюдно. Вы знаете, как добраться отсюда до коттеджа?

– Свадьба... – Милла слотнула комок в горле и улыбнулась. – Как мило! Да, я знаю, в какую сторону ехать. Через деревню, затем прямо в направлении Калькаррона, а потом свернуть налево.

– Да, и останется проехать прямо около полутора миль. Если хотите, я позвоню управляющему и сообщу ему, что вы уже в пути, – тогда он сможет встретить вас там с ключом.

Милла чувствовала себя согретой добротой Мэри. Это стремление помочь друг другу напомнило ей о ее родной Ирландии.

– Было бы замечательно, спасибо! Я сейчас дождусь, когда в автомастерской мне отремонтируют проколотое колесо, и отправлюсь напрямиком в коттедж.

– А я пока свяжусь с управляющим. Еще увидимся!

У ворот, ведущих в поместье Калькаррон, Кормак остановил машину, не выключая зажигания, закрыл глаза и напомнил себе, что в центре внимания будет Роза – ведь это ее свадьба. На роскошном торжестве, о котором все судачат, может, и получится остаться в тени. Хотя в этих местах все друг друга знают и в курсе, что Кормак изо всех сил пытается смириться со смертью Дункана. Даже его мать однажды заявила, что у него посттравматическое стрессовое расстройство. Но он знал, что это не так. Просто его сердце разбилось от горя, и Кормак не знал, как собраться с силами. Он больше не понимал окружающий мир и не находил в нем себе места. В казармах было проще – там Кормак был просто одним из многих, чью душу травмировала война. Но здесь ему придется выдерживать любопытные взгляды, тактично отклонять вопросы с намеком и ради Розы притворяться, что он в полном порядке.

Кормак вздохнул и въехал в ворота.

При виде родного дома он почувствовал, как сердце наполнилось радостью. Кормак почти забыл, как сильно любит Калькаррон: его готические башенки и окна со старинными переплетами. Взяв с заднего сиденья свою сумку, он улыбнулся приглушенному звуку лая, донесшемуся из-за входной двери. Едва она открылась, за ней Кормак увидел свою мать. В тот же момент к нему с восторженным повизгиванием кинулись три лабрадора. Собаки завертелись у его ног, норовя лизнуть его руки. Кормак, счастливо смеясь, чесал их за ушами и гладил их черные спины.

– Тайлер, Мунго, Крэш! Фу, успокойтесь! – прикрикнула Лили Бьюкенен на собак. Она обняла сына, а затем шагнула назад и пристально посмотрела в его лицо. – Кормак! Я так рада, что ты здесь! Наконец у меня появится надежный союзник.

Они обменялись понимающими взглядами.

– Это всего лишь свадьба Розы. Устроить ее – пара пустяков, – заявил Кормак, обняв мать за плечи.

Лили поморщилась.

– Я бы не назвала это «парой пустяков». Но давай зайдем в дом. Роза и девочки очень тебя ждут.

В гостиной Роза и три ее подружки обсуждали декор свадебного шатра. После приветствий и представлений друг другу Кормак опустился в кресло. Слушая краем уха, о чем идет разговор, он осматривался по сторонам. Кормак любил эту комнату с ее высокими потолками и мягкими диванами, книжными полками и семейными фотографиями в серебряных рамках. Над камином висела картина, написанная маслом. На ней был изображен великолепный олень. Как и все остальное в Калькарроне, эта комната была наполнена воспоминаниями. Кормаку приятно было вернуться домой. Это поместье всегда очень много для него значило, и однажды оно будет принадлежать ему. Кормаку хотелось прогуляться по округе, отдохнуть после долгой поездки, но было бы невежливо удалиться из комнаты, едва поздоровавшись.

– Кор! – услышав свое имя, он поднял голову.

– Итак, пока ты будешь следить за установкой шатра и танцпола, – заявила Роза, – мы тем временем займемся последними штрихами в украшении – сделаем подсвечники для столов из консервных банок, обернутых мешковиной и тартановой лентой...

Кормак слушал рассеянно. Конечно, он хотел, чтобы у сестры была именно такая свадьба, о которой она мечтала, и приехал, чтобы помочь. Но ему трудно было восторгаться подсвечниками, когда в это же время люди гибли в войнах. Вряд ли получится изображать интерес

к подобным мелочам в течение целой недели. Кормак задавался вопросом, как его брат Сэм справлялся со всем этим.

Лили внесла в комнату поднос с чаем, и Кормак встал, чтобы помочь ей. Когда он поставил поднос на кофейный столик, Рози поймала взгляд брата, вскочила на ноги и обняла его.

– Спасибо, что приехал помочь со свадьбой. Я тебе очень благодарна. – Она наклонилась к уху Кормака и прошептала: – Я так закрутилась, что даже не спросила тебя, как ты. – Рози сжала его руку. – Мы поговорим позже, ладно?

Кормак налил себе чаю, взял чашку с подноса и, подойдя к окну эркера, залюбовался видом, который так любил.

Ухоженный парк спускался к берегу озера Лох-Калькаррон, по обеим сторонам которого вздымались крутые горные склоны. Оно было настоящей жемчужиной в короне фамильного поместья.

– Где Сэм? – спросил Кормак.

Рози ответила:

– С утра он отправился в коттедж, чтобы приготовить там все для прибывающего сегодня постояльца-художника, а затем отправился на рыбалку. Видишь на озере его лодку?

При упоминании о новом художнике, который остановится в коттедже, Кормак почувствовал, как в душе возникло неопределенное чувство, связанное с дразнящими зелеными глазами. Он заставил себя сосредоточиться на просторе озера перед ним.

– Я не вижу его лодку. Может быть, Сэм перевернулся...

Как он и подозревал, никто его даже не слушал.

Одна из подруг сестры спросила, о каком коттедже идет речь, и Лили пустилась в объяснения:

– В этих краях всегда строились небольшие каменные домики, в которых путники могли бы укрыться или переночевать. Но наш коттедж – специально для художников. Дедушка Рози был страстным живописцем-любителем. Когда в отдаленных местах начали строить коттеджи для художников, желающих поработать вдали от городского шума, он подумал, что это прекрасная идея. Поместье Калькаррон большое. У нас много места. Мы наняли архитектора для того, чтобы он спроектировал удобный и практичный домик на холмах. Это очень уединенное место, и оно пользуется большой популярностью у художников.

– По сути, это большая деревянная хижина, но современного дизайнера, – вмешалась Рози. – Спереди у нее есть терраса с видом на холмы, и в этом году Сэм установил на ней садовые качели, чтобы гости могли расслабиться, любясь потрясающим видом, или понаблюдать за звездами ночью. Жилое пространство – светлое и просторное благодаря большим окнам. Студия для работы спроектирована с панелями на крыше, чтобы через них поступало много света. В домике также есть дровяная печь. Но больше всего мне нравится спальня на бельэтаже – это так романтично. Я работала над дизайном интерьера. Могу показать вам несколько фотографий...

Лили подняла руку, чтобы прервать дочь.

– Это телефон звонит?

Кормак воспользовался возможностью улизнуть.

– Я подойду.

Он направился на кухню и снял трубку с телефона, висящего на стене.

– Бьюкенен.

– Это ты, Сэм? – раздался женский голос, звучавший нерешительно.

– Нет, это Кормак.

– Кормак! Это Мэри Фрейзер из магазина в Ардуиге. Как твои дела?

Он никогда не был мастером светской беседы, но так как местный магазин являлся настоящим центром распространения всех слухов, крайне важно было отвечать вежливо и оптимистично.

– Привет, Мэри! У меня все хорошо, спасибо. Чем я могу тебе помочь?

– У меня в магазине только что побывала ваша гостья, и я пообещала ей позвонить в Калькаррон-Хаус, чтобы сообщить, что она уже в пути. Нужно встретить ее у коттеджа с ключом. Сэм обычно...

– Спасибо, Мэри. Я отправлю его.

– Полагаю, можно не спешить. Она сказала, что ей сначала надо дождаться, пока починят пробитое колесо...

Кормак почувствовал, как сердце сжалось в груди, и тяжело сглотнул.

– Хорошо. Спасибо, Мэри, за то, что сообщила об этом. А сейчас до свидания.

Он не хотел показаться невежливым, резко обрывая разговор, но ему показалось, что Мэри будет болтать еще долго, а Кормак этого бы просто не вынес.

Он прислонился к стене и откинул голову назад. Так значит, девица, проколовшая на дороге колесо, и была та самая постоялица в их коттедже, которую ждали? Эта новость почему-то заставила сердце Кормака биться быстрее. Да, художница выглядела эффектно и была довольно остра на язык, но в ее глазах читалось что-то еще... может быть, беззащитность?

Лили появилась на пороге кухни.

– С тобой все в порядке, Кор?

Он встретился с матерью взглядом.

– Я в порядке. Просто устал от долгого вождения, а тут еще вся эта предсвадебная болтовня... Ты была права. Неделя выдаться нелегкая.

Лили хлопнула сына по руке.

– Все будет хорошо. Когда папа вернется домой, вы сможете спрятаться в его кабинете, выпить виски и поговорить о рынке недвижимости. Кто это звонил?

– Мэри из магазина. Она сказала, что новый постоялец коттеджа уже на пути в Стратбурн.

Лили нахмурилась.

– Ох уж этот Сэм! Именно в его обязанности входит отвечать за коттедж и его постояльцев. Разумеется, он воспользовался твоим возвращением и улизнул на рыбалку, решив, что ключи от коттеджа сможешь передать ты.

– Я?!

– Ты не возражаешь? – Лили улыбнулась сыну озорной улыбкой. – Это означает, что ты сможешь ненадолго сбежать от нашей капризной невесты с ее подружками и прокатиться на новом квадроцикле. Это поможет тебе развеяться. – Она вынула из ящика комода ключи с брелоком из рога оленя и протянула их сыну. – Это не займет много времени. Покажешь гостье дом и проведешь краткий инструктаж по безопасности. К тому времени, когда ты вернешься, мы уже будем готовы выпить аперитив перед ужином.

Кормак взял ключи. Вряд ли у него была возможность отказаться, так как Сэм «опоздал из увольнения». Да и почему бы не прокатиться по окрестностям? Если он быстро справится с делами, у него еще останется время подняться на гребень горы. Это его самое любимое место. Такая прогулка – лучшее противоядие от предсвадебной лихорадки.

Кормак направился к двери.

– Подожди. – Лили полистала большую синюю книгу. – Нашу новую художницу зовут Камилла О'Брайен. – Она посмотрела на сына и улыбнулась. – Какое замечательное имя. Кто знает, Кор, вдруг она окажется молодой и красивой?

Починив пробитое колесо, Милла покинула Ардуиг и вскоре свернула на дорогу, ведущую к коттеджу. Сначала та шла через лиственные леса, но вскоре вынырнула на пустошь и

круто пошла вверх. Машину сильнее затрясло на выбоинах. Милла продолжала взбираться вверх на пониженной передаче, нервничая из-за незнакомого маршрута.

Наконец дорога стала более ровной, а после еще одного короткого подъема Милла увидела коттедж, словно притулившийся к крутому холму.

Остановив автомобиль, Милла с восторгом посмотрела на дом. Он напомнил ей цыганскую кибитку без колес, хотя был намного больше. Жестяная крыша с круглой трубой, широкая терраса с садовыми качелями – диванчиком, подвешенным на гигантской деревянной раме. Со счастливым вздохом Милла спустилась по неровному склону и подкатила к коттеджу.

Выключив двигатель, она выскочила из машины. Кроме живописного пейзажа и приятного дизайна дома, ее также поразила почти оглушительная тишина, стоявшая тут. На мгновение забылась боль в сердце, которая привела ее сюда. Милла поднялась на террасу, широко раскинула руки и медленно покружилась, чувствуя себя абсолютно счастливой. Это место было просто идеальным!

На всякий случай Милла попробовала открыть дверь, но та была заперта. Милла прижалась носом к стеклу и заглянула внутрь. Обстановка была немудрящей: дощатый пол, диван с серой льняной обивкой, на один из подлокотников которого было небрежно накинуто зеленое мохеровое одеяло. Маленькая черная печь примостилась в углу. Чуть сместившись в сторону, Милла рассмотрела узкую деревянную лестницу, ведущую наверх, на бельэтаж. Как романтично! Она почувствовала, как сердце снова сжалось от боли.

Устроившись на подвесном диванчике, Милла откинулась на его спинку и начала задумчиво раскачиваться. Подняв левую руку, она обвела указательным пальцем контур отсутствующего обручального кольца.

Все ее будущее было расписано наперед, пока Дэн не положил конец их совместным планам. Милла занималась подготовкой своей свадьбы, когда ее жених прилетел из Берлина, чтобы сообщить ей, что влюбился в какую-то Марию. Он заявил, что это случилось само собой и его вины тут нет, а затем опять вернулся в Германию. Милле пришлось отменить все предсвадебные приготовления и объяснить уже приглашенным родственникам из Ирландии, что торжество не состоится.

Она знала, что отец пытался казаться разочарованным ради нее, но заметила облегчение, отразившееся на его лице. Ему никогда не нравился Дэн. И ее братьям тоже. Никогда еще Милла не чувствовала себя такой одинокой. Она отчаянно нуждалась в своей матери, но той больше рядом не было, так что пришлось справляться со своим горем самой.

Милла приехала в коттедж Стратбурн, чтобы исцелиться, снова вернуться к жизни. Если получится как следует погрузиться в работу, то, возможно, мир снова обретет смысл.

Звук мотора вывел Миллу из задумчивости. Она встала с качелей, пересекла террасу и побежала по дорожке к обзорной площадке с видом на холм. Прищурившись, она различила приближающийся квадроцикл, а за его рулем – смутно знакомую фигуру. Когда она окончательно поняла, что это тот самый человек, который поменял ей колесо, у нее перехватило дыхание.

Глава 2

Едва стало окончательно ясно, что квадроцикл направляется к дому, Милла поймала себя на том, что комкает полы жилета, и заставила себя опустить руки. Она не понимала, почему этот мужчина заставляет ее нервничать. Может, потому, что кажется таким... недоступным.

Чтобы компенсировать свое неприветливое поведение на обочине дороги, Милла улыбнулась и помахала ему рукой, но он, кажется, не заметил ее, поэтому она почувствовала себя глупо и, как ни странно, даже немного обиделась.

Дожидаясь, пока водитель припаркуется и выключит двигатель, Милла подумала, что слишком чувствительна и готова видеть неприятие там, где его вовсе нет. Она вздохнула, решив быть открытой и дружелюбной, и шагнула вперед.

– Привет еще раз! Мы продолжаем встречаться в уединенных местах. Должна ли я считать, что вы меня преследуете?

Он поднял голову, и по его губам скользнула тень улыбки.

– Это чистая случайность, клянусь. Вы, должно быть, Камилла О'Брайен.

– Меня зовут Милла. Камилла – это, на мой взгляд, звучит слишком высокопарно.

Она улыбнулась и обрадовалась, увидев, что на этот раз он тоже улыбнулся, слезая с квадроцикла. Но когда собеседник поднял голову, улыбка уже исчезла, хотя на мгновение она успела сделать его лицо очень красивым. Милле почему-то захотелось увидеть ее снова.

– Хорошо, я буду звать вас Милла. Я привез вам ключ от коттеджа.

Она выжидающе посмотрела на него, и когда он безучастно встретил ее взгляд, подняла брови.

– А у вас есть имя?

Он хлопнул себя ладонью по лбу.

– Извините, забыл представиться. Я Кормак Бьюкенен.

Он протянул руку.

– Приятно познакомиться, Кормак. На этот раз официально.

Милла пожалала протянутую теплую, сухую ладонь и на головокружительное мгновение затерялась в золотисто-карих глазах.

Поспешно разжав пальцы, она спросила:

– Бьюкенен? Это вы – владелец поместья Калькаррон?

Он покачал головой.

– Когда-нибудь, может, стану им. А пока я лишь выполняю поручения.

Милла, не удержавшись, поддразнила его:

– Ну, это – как в любой профессии: начинаешь с самых низов и вкалываешь на всю катушку, пока не станешь боссом.

Уголки его рта немного приподнялись, но Кормак так и не улыбнулся.

Милла озадаченно наморщила лоб. Неужели у мистера Бьюкенена нет чувства юмора? Может, она ведет себя чересчур фамильярно с этим будущим владельцем поместья, заступая за какую-то невидимую черту? Милла не могла понять, что делает неправильно.

Она уже собиралась спросить, может ли он просто отдать ей ключ, когда увидела, что взгляд Кормака переместился на ее джип.

– Вижу, вы починили пробитое колесо.

– Да, в автомастерской его очень быстро залатали.

– Это хорошо. – Он взглянул на Миллу и полез в карман. – Я открою коттедж и помогу вам занести вещи, а затем проведу инструктаж.

Кормак достал ключ и жестом предложил следовать за ним к двери дома.

Милла послушно пошла за ним, озадаченно хмурясь. Она не могла обвинить Кормака Бьюкенена в невежливости, но у нее возникло отчетливое чувство, что он держит ее на расстоянии вытянутой руки, словно пытается выказать ей свое равнодушие или пренебрежение.

Милла заметила, что снова переходит в режим обороны, и с трудом заставила себя вежливо произнести:

– Спасибо, но я бы не хотела доставлять вам беспокойство.

– Это для меня нетрудно. Вот почему я здесь.

Кормак отпер дверь коттеджа и отступил в сторону, пропуская Миллу вперед.

Едва она шагнула через порог, ее настроение мгновенно поднялось. Внутри было тепло, удобно и словно прослеживалась связь с окружающим ландшафтом: его не только можно было наблюдать через окна высотой от пола до потолка, но цвета и текстуры интерьера также были подобраны соответствующие.

Это святилище должно было стать домом для Миллы на ближайшую пару недель, и она уже чувствовала, как его нежные объятия успокаивают ее раненую душу.

Она обернулась с улыбкой.

– Ух ты! Здесь потрясающе! Просто идеально! Так хорошо подобраны цвета и материалы – просто глазам не верю!

Выражение лица Кормака смягчилось, и на мгновение он, казалось, смутился.

– Моя сестра – талантливый дизайнер интерьеров. Она придумала все это – и специально использовала натуральные материалы, чтобы они гармонировали с природой.

В его голосе явно звучала гордость. Милла поняла, что сестра много значит для Кормака, и это маленькое открытие чуть больше расположило ее к нему.

Кормак между тем продолжал объяснять:

– Это, судя по всему, гостиная. Вы раньше пользовались дровяной печью?

– Да, у нас дома была такая.

Милла подошла к компактной плите со стеклянной дверцей. Эта современная модель не походила на старинную печь, которой пользовались в ее семье. Она повернула ручку и открыла дверцу, слушая Кормака.

– Снаружи есть дровяной сарай. Он полон дров. Если станет холодно, принесите несколько поленьев и разожгите печь. Лучину и спички вы найдете в этой металлической коробке. Комната быстро нагреется.

Не видя лица Кормака, Милла расслышала в его хриловатом голосе мягкие нотки, которые застали ее врасплох. Она закрыла плиту и встала.

– Как видите, кухня находится там. Вся необходимая утварь имеется. Тарелки и чашки находятся в шкафах. Боюсь, здесь нет посудомоечной машины...

Его серьезный тон заставил ее рассмеяться.

– Я не против мытья грязной посуды, тем более ее будет немного. Когда работаю, я мало готовлю, потому что порой просто забываю поесть, и тогда, почувствовав голод, могу разом съесть коробку кукурузных хлопьев.

Что это промелькнуло во взгляде Кормака? Веселье или презрение? Покраснев от смущения, Милла быстро отвела взгляд. Что заставило ее так поступить? Должно быть, она нервничает. И не мудрено: этот крупный мужчина, казалось, занял собой все пространство в комнате.

– В ванную комнату можно попасть по этому короткому коридору. Ванны там нет – только душ, но вы, наверное, и сами уже об этом догадались. А спальня там...

Милла посмотрела на бельэтаж и повернулась к Кормаку.

– Я знаю... – Она снова покраснела. – То есть, я хочу сказать, что видела ее через окно до вашего приезда.

Почему его глаза так ее волновали? Она заставила себя отвести взгляд и посмотреть на стену.

– Какая прекрасная идея поместить тут в рамочке подробную карту местности! Я только что купила такую же в магазине. Если бы я только знала, что в коттедже она и так имеется...

Кормак негромко кашлянул.

– Студия – под лестницей. Можете взглянуть на нее, если желаете. А я пока принесу ваши вещи.

Он коротко кивнул и исчез за дверью.

Милла зажмурилась и глубоко вздохнула, стараясь убедить себя, что Кормак, резко прервав ее, вовсе не хотел ее обидеть. Разумеется, ему хочется поскорее выгрузить ее вещи и «провести инструктаж», как он выразился. Но его отстраненное обращение все равно ранило Миллу. Хоть он и наследник хозяина поместья, ему не мешает отшлифовать свои манеры.

Милла выбросила мысли о Кормаке Бьюкенене из головы и вспомнила, что должна посмотреть студию.

Войдя, Милла ахнула. Помещение было больше, чем она ожидала, – такое же просторное, как и гостиная. Дневной свет проникал сквозь матовые панели крыши, и в результате получалось идеальное освещение для студии художника.

Когда появился Кормак, неся ее мольберт и стопку холстов на подрамниках, Милла, не сдержавшись, воскликнула:

– Как мне здесь нравится! Такое великолепное освещение!

Прислонив мольберт и холсты к стене, он обернулся.

– Да. Тут все хорошо продумано. – Кормак провел рукой по волосам. – Я уже занес большинство ваших вещей, осталось принести пару коробок.

Перед тем как снова выйти, он на мгновение задержал на Милле свой взгляд, и она почувствовала странное смущение. Может, Кормак хотел что-то сказать? Но, поразмыслив, Милла решила, что это ей лишь показалось. Этот тип не очень-то разговорчив.

Она заправила прядь волос за ухо, снова огляделась и улыбнулась. Какой прекрасный здесь свет, какое ощущается умиротворение! Милла не могла точно сказать, что испытывала в эту минуту – вдохновение или просто счастье оттого, что оказалась в таком чудесном месте, – но внезапно ей захотелось поскорее остаться одной и устроиться тут как дома.

Если она сумеет быстро отделаться от Кормака, то сможет наслаждаться одиночеством, ради которого и приехала сюда.

Милла убирала молоко и йогурты в крошечный холодильник, когда услышала, как Кормак поставил на пол последние две коробки.

– Это все. Прежде чем я уеду, мне нужно еще кое-что вам объяснить...

Неужели он не понимает, что она устала от путешествия и хочет побыть в одиночестве?

Милла глубоко вздохнула и встала.

– Послушайте, я ценю ваше время, потраченное на помощь мне, но в остальном я разберусь сама. Уверена, у вас найдутся более важные занятия...

Он еле заметно качнулся назад.

– Мне необходимо объяснить вам правила безопасности.

– В этом нет необходимости. Здесь есть буклет. Видите? «Коттедж Стратбурн. Необходимая информация». Я посмотрю, есть ли тут что-нибудь о безопасности.

Милла листала страницы, чувствуя на себе взгляд Кормака, ее сердце глухо колотилось в груди.

Найдя нужную страницу, она открыла ее и показала ему.

– Смотрите: «Правила техники безопасности». Уверена, здесь есть все, что мне нужно знать. – Она посмотрела ему в лицо, заметила, что ее слова задела Кормака, и немного смяг-

чилась. – Послушайте, я обещаю, что внимательно прочитаю эти правила. Идет? Если вам от этого станет легче, можете потом устроить мне экзамен по ним.

Она заметила, как на его щеке дернулась мышца. Кормак подошел и протянул ключ.

– Обещайте, что прочитаете. Это важная информация. Надеюсь, вы хорошо проведете тут время.

Он на мгновение задержал на ней взгляд, затем коротко кивнул и вышел из коттеджа.

Милла с облегчением оперлась о кухонную столешницу. По глазам Кормака она поняла, что обидела его, но, прокрутив в голове их разговор, Милла так и не поняла, чем могла его задеть. Она была с ним вежлива, как и он с ней.

Милла посмотрела на свои руки и увидела, что ее пальцы дрожат. С каких пор ей стало так трудно общаться с мужчинами?

Она взяла чайник, сняла с него крышку и потянулась, чтобы открыть кран. Это двухнедельное пребывание в коттедже Стратбурн – именно то, что ей нужно. Пока она не сможет снова управлять собой, у нее вряд ли получится нормально общаться с кем-либо еще.

Кормак сел на квадроцикл, но не запустил двигатель. Вместо этого он обводил холмы невидящим взглядом, пытаясь понять, как сумел с треском провалить такую простую миссию, как показ коттеджа новому жильцу. Ох уж эти зеленые глаза, словно бросающие вызов! Кормак поморщился. Он не мог определить, дразнит его Милла О’Брайен или она чем-то недовольна, и понятия не имел, как себя с ней вести. Эта девушка озадачивала Кормака, но в то же время ему нравилась ее прямолинейность.

Он коротко улыбнулся, вспомнив озорную улыбку Миллы и то, как она дерзко вскидывала подбородок. Кормак представил себе крошечные веснушки на ее носу, очертания ее скул, сияющие глаза. Как Милла радовалась, осматривая коттедж, – словно Кормак открыл ей дверь прямо в счастье. Когда она присела, чтобы посмотреть на дровяную печь, он поймал себя на том, что невольно восхитился тем, как джинсы облегают стройные бедра Миллы.

В последнее время Кормак почти не замечал людей. Он настолько свыкся с огромной болью от потери своего друга, что замкнулся в себе, большую часть времени словно пребывая в оцепенении, и вот теперь неожиданно обратил внимание на эту девушку. Какой красивой она выглядела в мягком свете студии! А ее глаза, казалось, могли заглянуть в его душу. Кормак хотел что-то сказать Милле, но промолчал, потому что не нашел нужных слов.

Сквозь деревья у подножия холма виднелись башенки на крыше Калькаррон-Хаус, и Кормак представил, как отец в своем кабинете наливает в стакан немного виски, чтобы выпить за возвращение сына домой. В гостиной сестра и ее подруги потягивают джин с тоником и толстыми ломтиками лимона, а мать посматривает на часы, задаваясь вопросом, почему Кормак задерживается.

Он повернул ключ в замке зажигания. Родные ждали его, но ему хотелось подняться на гору, чтобы провести время наедине со своими воспоминаниями...

– Кормак!

Он повернулся и увидел, как Милла бежит к нему по дорожке. Кормак заглушил двигатель.

Она замедлила шаг, затем остановилась, ее голос немного прерывался, потому что Милла запыхалась от бега.

– Я так рада, что вы еще не уехали! – Ее нежные пальцы нервно теребили полы жилета. – Я собиралась приготовить себе чашку чая, но оказалось, что из крана не бежит вода. И в ванной комнате тоже. Вы сможете это исправить?

Кормак вздохнул.

– Честно говоря, не знаю. – Он слез с квадроцикла и заявил как можно более оптимистично: – Посмотрю, что смогу сделать.

Во взгляде Миллы засияла благодарность.

В инженерных войсках Кормак занимался именно водоснабжением. Он был опытным специалистом по буровым скважинам и системам очистки сточных вод, но знал, что ничто не может быть сложнее, чем обнаружение неисправности в бытовой системе водоснабжения – особенно такой системе, которая установлена в коттедже. И чаще всего причиной регулярных засоров в трубах являются попавшие туда амфибии.

Войдя в дом, Милла остановилась и произнесла извиняющимся тоном:

– Я бы предложила вам чашку чая, но увы!

Ее постоянные шутки забавляли Кормака, но он не мог этого показать. С тех пор как Дункан умер, веселье стало роскошью, которую Кормак себе не позволял, так что он просто кивнул и пошел проверять фильтры.

Сэм регулярно их менял, поэтому неудивительно, что они оказались чистыми, но уровень воды в канистрах был низким, а это означало, что труба засорилась где-то между резервуаром и домом.

Резервуар был расположен на холме, и трубы, ведущие к нему, частично были проложены под землей. На выяснение, в чем проблема, может уйти несколько часов, а уже скоро начнет темнеть. Придется отложить ремонт до завтра.

Не могло быть и речи о том, чтобы позволить Милле остаться в коттедже без воды. Ей придется провести ночь в Калькарроне. Кормак мог предложить ей только такой выход из положения.

– Вы хотите сказать, что мне придется ночевать в Калькаррон-Хаус? – ошеломленно спросила Милла, не сумев скрыть разочарования.

Она так надеялась, что Кормак сумеет починить систему водоснабжения, но он сообщил, что на ремонт потребуется много времени.

– Но я не понимаю, как вода может просто перестать проходить через трубу?

Он переступил с ноги на ногу.

– Простите, Милла. Я знаю, что это причиняет вам неудобство, но ничего не могу сделать до завтра. – Кормак смущенно улыбнулся. – В Калькаррон-Хаус не так уж плохо, и там, по крайней мере, вам не придется готовить еду самостоятельно... Есть даже студия для рисования, которой вы сможете воспользоваться, если захотите поработать этим вечером.

Милла с трудом сдерживала свои эмоции. Извинения Кормака, похоже, были искренними, и она не хотела доставлять ему хлопоты, но меньше всего ей сейчас хотелось оказаться в большом доме. Ей придется разговаривать с незнакомцами, быть вежливой и полной энтузиазма. Перспектива такого вечера привела ее в бешенство. Предвкушаемая радость от ночевки в уютном коттедже рассыпалась в прах.

Когда Кормак сказал, что сначала съездит в коттедж и распорядится, чтобы для госты подготовили отдельную комнату, Милла ощутила облегчение. Ей нужно было побыть некоторое время в одиночестве, приспособиться к новым обстоятельствам.

Едва звук мотора квадроцикла затих вдали, Милла поднялась по лестнице на бельэтаж, села на кровать, а затем упала навзничь на постель и уставилась в потолок.

Как не хочется отсюда уходить! Эта комната кажется уютным гнездышком, где хочется навсегда спрятаться ото всех. Милла закрыла глаза, свернулась калачиком и вслух произнесла:

– Это ты во всем виноват, Дэн. Абсолютно во всем!

Когда Милла поступила в колледж Святого Мартина, Дэн учился там на последнем курсе и был одним из самых популярных парней в колледже. Она удивилась, что он вообще ее заметил. Милла чувствовала себя неравной с ним во всех отношениях, но когда Дэн поцеловал ее в первый раз и прошептал, что она – его тихая гавань в бурном море, что-то в глубине души Миллы отозвалось на эти слова.

Ее отец и ее братья после знакомства с Дэном заявили, что он морочит Милле голову. Они смеялись над тем, как он завязывает волосы в пучок на макушке, над его татуировками и кольцом в носу, над его просторечным произношением.

Милла заставила себя не обращать внимания на такую реакцию родных – у нее и самой на лодыжке имелась небольшая татуировка с изображением оленя, а в левом ухе было несколько дырочек под серьги. Но в глубине души ее ужасно расстраивало то, что родные были против ее планов выйти за Дэниела Колдер-Джонса.

Милла была уверена, что ее мать оценила бы талант Дэна, потому что Коллин О’Брайен сама была опытным художником и преподавателем живописи. Именно мать привила Милле любовь к искусству. Даже когда Коллин поставили диагноз «рак», она продолжала вместе с дочерью посещать арт-галереи. До чего же Милла скучала по матери! При воспоминании о ней к глазам подступили слезы. Милла не стала их сдерживать.

Что же касается Дэна, тот наслаждался неодобрением ее семьи и черпал в нем творческое вдохновение. Он умел искусно претворять взлеты и падения своей жизни в новые картины и настолько в этом преуспел, что ему предложили поработать в Берлине.

Занятая своим собственным дипломным проектом, Милла согласилась с Дэном в том, что ему стоит отправиться в Берлин. Она подумала, что этот город – яркий и захватывающий – вдохновит Дэна, а новые знакомства будут полезны для его карьеры.

Накануне отъезда Дэн пригласил Миллу на ужин в их любимый ресторан и сделал ей предложение руки и сердца. Все посетители ресторана и официанты замерли в ожидании, а Милла застыла с открытым ртом. Дело в том, что Дэн не верил в брак. Он всегда твердил это, а сейчас смотрел на Миллу, ожидая ответа. Она заплакала и сказала «да». Под восторженные аплодисменты окружающих Дэн надел ей на палец ослепительно сияющее бриллиантовое кольцо.

Милла была так счастлива. Наконец родным придется поверить, что Дэниел Колдер-Джонс действительно ее любит!

Он очень хотел назначить дату свадьбы до отъезда, поэтому они выбрали сентябрь – Дэн к тому времени должен был вернуться, а Милла успела бы закончить свой дипломный проект. У нее оставалось не очень много времени на организацию свадебного торжества, но она с энтузиазмом взялась за дело.

Милла нашла идеальное место для проведения загородной свадьбы, о которой мечтала, организовала виски-бар для Дэна, арендовала большой шатер, деревянные столы на ножках-козлах, заказала полевые цветы и ансамбль, исполняющий фольклорную музыку. Она даже нашла идеальное платье – из винтажного шелка и кружева, расшитого крошечными жемчужинами. Милла расплакалась в свадебном бутике, потому что ее матери не было рядом, чтобы увидеть, как ее дочь красива в этом подвенечном наряде.

Все было уже почти готово. Но потом Дэн неожиданно прилетел домой, чтобы сказать ей, что влюбился в немецкую художницу по имени Мария. Это случилось три месяца назад.

Милла была совершенно опустошена и разбита. Она перестала есть, перестала спать, перестала работать.

Когда руководитель ее проекта вызвал Миллу для разговора, она разрыдалась у него на плече. Тогда преподаватель посоветовал ей заняться фотографией. Он предложил фотографировать все, что попадает на глаза. Это был хороший совет. Вместо того чтобы пытаться создавать образы, она провела дни в поисках уже готовых сцен. Просмотрев сделанные снимки, Милла заметила, что во всех них есть что-то общее: темные закоулки, задумчивое лицо за витриной кафе, фигура в дверях, мужчина и женщина, идущие рядом, но головы их повернуты в противоположные стороны...

– Тебя привлекает одиночество, – резюмировал ее наставник. – Твои фотографии напоминают мне работы Эдварда Хоппера. Ты должна взять их за основу, чтобы продвинуть свою

работу в новом направлении. – Он вручил Милле брошюру. – Смена обстановки поможет тебе вернуться на правильный путь. Я сам останавливался в коттедже Стратбурн. Там царит покой. Полная изоляция от внешнего мира: нет телефонного сигнала, нет Интернета и прочих отвлекающих факторов. Вероятно, это именно то, что тебе нужно...

Отгнав воспоминания, Милла села, вытерла слезы ладонями и оглядела спальню в бельэтаже, в которой еще не успела переночевать. Покой. Изоляция. Никаких отвлекающих факторов. В Калькаррон-Хаус вряд ли можно найти уединение и умиротворение. Что же касается отвлекающих факторов... Неожиданно в памяти возник образ Кормака. Милла заставила себя выбросить его из головы и сказала себе: «Я проведу в Калькаррон-Хаус всего одну ночь». Завтра она вернется в этот дом, и начнется процесс ее исцеления.

Кормак гнал квадроцикл вниз по склону холма сквозь заросли цветущего вереска. Он понял, что Милла была не в восторге от необходимости перебраться в Калькаррон-Хаус, но ее реакция казалась явно непропорциональной обстоятельствам. В конце концов, речь шла всего об одной ночи. Но только сейчас, размышляя, Кормак понял, что в поведении Миллы сквозило отчаяние, когда она спешила выпроводить его из коттеджа, не дав ознакомиться ее с правилами безопасности. Тогда Кормак решил, что Милле было неприятно его общество. А теперь он задавался вопросом, не скрывалось ли за этим нечто большее. Возможно, Милла О'Брайен действительно хотела провести время в полном уединении.

Если это и в самом деле так, то пребывание в Калькаррон-Хаус станет для нее испытанием, а не удовольствием. В некотором отношении Кормак чувствовал себя там так же.

Увидев автомобильную колею, ведущую через болота, он остановился и погрузился в воспоминания. Перед глазами Кормака словно возникли два беззаботных мальчишки, мчащиеся наперегонки по тропинке, чтобы посмотреть на древние каменные столбы или вскарабкаться на вершину холма и построить там шалаш...

Это было целую жизнь назад. Кормак все еще мог чувствовать здесь повсюду присутствие друга, но образы в его сознании теперь были залиты кровью, затуманены воспоминаниями о пыли и смерти. Призрак Дункана не преследовал Кормака. Его преследовала вина за то, что он выжил, потому что должен был умереть он, а не Дункан.

Даже это ощущение тепла заходящего солнца на лице и ветра в волосах было слишком похоже на предательство своего друга. Какая непостижимая космическая сила вершила их судьбы в тот день? Почему его пощадили? Он часто задавался этим вопросом, но не находил ответа.

С потерей Дункана из жизни Кормака ушла радость. Иногда он пытался найти утешение в мысли, что, возможно, судьбой для него уготована более высокая цель, но он не чувствовал себя годным для таких грандиозных замыслов. А если Кормак начинал думать, что все в жизни – лишь случайность, то это пугало его еще больше.

И уж точно он не ожидал, что судьба сдаст ему такую карту, как Милла О'Брайен. Она выбила Кормака из седла, очаровала, но это было опасное увлечение. Впрочем, уже послезавтра Милла перестанет быть его заботой. Впереди напряженная неделя – ему хватит проблем и без этих дразнящих зеленых глаз, словно срывающих с него защитную маскировку, за которой Кормак так тщательно прятался после возвращения из Афганистана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.